

5. **Зализняк Анна А.** Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
6. **Кибрик А. Е.** Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2005. – 720 с.
7. **Маслов Ю. С.** Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Ю. С. Маслов // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. VII. – Вып. 4. – С. 303–316.
8. **Падучева Е. В.** Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе / Е. В. Падучева // Типология вида: проблемы, поиски, решения : Матер. Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 332–342.
9. **СУМ** : Словник української мови : в 11 т. / [За ред. Г. К. Білодіда]. – К. : Наукова думка, 1979. – Т. 1–11.
10. **BNC** : The British National Corpus [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
11. **CIDE** : Cambridge International Dictionary of English / [Ed. by P. Procter]. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 1773 p.
12. **FSJP** : Słownik Frazeologiczny PWN [Електронний ресурс] : Multimedialne słowniki języka polskiego. – Wersja 1.0. – Copyright © Wydawnictwo Naukowe PWN SA. – Wydawca : pwn.pl sp. z o.o.
13. **Mohanan K. P.** Dative subjects in Malayalam: Semantic information in syntax / K. P. Mohanan, T. Mohanan // Experiencer subjects in South Asian languages / Ed. by Manindra K. Verma & Mohanan K. P. – Stanford : Center for the Study of Language, 1990. – P. 43–57.
14. **OED** : Oxford English Dictionary [Електронний ресурс] : Second Edition on CD-ROM © Oxford University Press 2009. – Vers. 4.0.
15. **PED** : The Penguin English Dictionary / [Cosult. Ed. R. Allen]. – L. : Penguin Books, 2002. – 1045 p.
16. **SJP** : Słownik Języka Polskiego [Електронний ресурс] : W 11 t. / [Pod redakcją Witolda Doroszewskiego]. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. – Т. 1–11.
17. **Van Valin R. D., Jr.** Syntax: Structure, meaning and function / R. D. Van Valin, Jr., R. J. LaPolla. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 744 p.

Надійшла до редколегії 25.03.11

УДК 811.161.1'373

Ю. А. Ермоленко

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АББРЕВИАТУР СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Проаналізовано статусу аббревіатур у російській мові. Дано визначення поняття аббревіації в ономаціологічному аспекті; запропоновано схеми досліджуваного явища; визначено роль аббревіації у процесі збагачення лексичної системи мови; зроблено висновки про особливості функціонування аббревіатур.

Ключові слова: номінатема, аббревіатура, словосполучення.

Проанализирован статус аббревиатур в русском языке. Дано определение понятия аббревиации в ономаціологическом аспекте; предложены схемы исследуемого явления; описана роль аббревиации в процессе обогащения лексической системы языка; сделаны выводы относительно особенностей функционирования аббревиатур.

Ключевые слова: номинатема, аббревиатура, словосочетание.

The article is about analysis of abbreviations' status in the Russian language. The onomasiological definition of abbreviation is given. The functional schemes of this process are suggested. Role of abbreviation in enlarging process of lexical language system is described. The conclusions about abbreviations' functioning peculiarities are done.

Keywords: nominatheam, abbreviation, word-combination.

Целью данной статьи является анализ и определение статуса явления аббревиации в русском языке. Явление это неоднозначно, хотя традиционная лингвистика предпочитает крайне консервативное мнение относительно данного явления.

Итак, истоки аббревиации находим в конце XIX – начале XX века в области собственных названий политических партий и партийных органов. С. И. Ожегов отмечает: «Практика аббревиатур была широко распространена в партийной среде и воздействовала в этом отношении на послереволюционную речь (хотя – на наш взгляд – все было с точностью до наоборот: речь воздействовала на языковые институты – Ю. Е.), хотя сам репертуар аббревиатур типа *эсдэ* (откуда *эсдек*), *эсер*, *кадэ* (откуда *кадет*), *ЦК* и т. п. был незначителен» [5, с. 12]. Причинами возникновения подобных первичных образований можно считать 1) стремление избежать частого повторения многословных наименований; 2) стремление к рациональному и оперативному использованию бумажной площади (ограниченный формат листовок, подпольных газет и т. д.); 3) в отдельных случаях – соображения конспирации.

Естественно, первые аббревиатуры возникают не только в политической сфере, но и в сфере промышленности (*ДЮМО – Донецко-Юрьевское металлургическое общество*, *АМО – Автомобильное московское общество*), реже – в официальной печати (*ПТА – Петроградское телефонное агентство*).

«Наиболее древними и стихийно возникшими можно считать инициальные сокращения «буквенного» типа, поскольку питательной средой для них служила сама письменность как таковая» [6, с. 66]. Принято считать, что именно на письме (в письменной речи – Ю. Е.) в том или ином языке неизбежно возникают графические сокращения, лексикализация которых «тоже неизбежна, так как неизбежно действие опрощения на сложные единицы любого типа» [6, с. 66]. Вплоть до настоящего времени лингвисты были убеждены в том, что прочтение графических сокращений по названиям букв является постепенным формированием этих сокращений в самостоятельное слово.

Таким образом, традиционно аббревиация рассматривается как способ словообразования, ведущий к лексикализации (закреплению в языке) графических инициальных сокращений (М. В. Панов); как процесс продуцирования аббревиатур – «сокращенных сложных слов (существительных), образованных из начальных звуков, названий начальных букв или начальных частей слов, на базе которых формируется сокращение. В состав аббревиатуры может входить и целое слово» [2, с. 7]. О. М. Мацько считает, что данное определение неполно без таких существенных признаков аббревиатур, как «стабильное произношение по названиям букв (реже – звуков) и – как результат его – лексикализация графических сокращений, которой подвергаются наиболее употребительные и общепринятые испытанные временем аббревиатуры». И еще: «Аббревиация направлена на образование более кратких сравнительно с исходными структурами синонимичных им номинаций» [4, с. 33].

Аббревиация также понимается как самый молодой способ словообразования, но несмотря на это достаточно продуктивный в современных языках, который направлен на все большую регламентацию и упорядоченность [3, с. 9].

Об этом новом, как считалось, словообразовательном явлении Л. А. Булахов-ский писал как об общественной потребности языка: «В эпоху, когда людям надо спешить, чтобы много работать, в той или иной степени ускоряется и темп языка. Тенденция сохранять силу, чтобы использовать ее наиболее целесообразно, становится жизненным принципом; ему подчиняется и язык» [1, с. 33].

Е. А. Селиванова считает, что аббревиатура – «обычно существительное, образованное путем сокращения простого слова или компонентов сложного слова или элементов производящего словосочетания до уровня звуков либо букв, слогов либо других фрагментов слов» [7, с. 5–6]. Предлагаемая традиционную трактовку результата процесса аббревиации, лингвист, однако, отмечает: «Дискуссии ведутся также относительно вопросов об отнесении к аббревиатурам телескопизмов, о статусе слов-аббревиатур (они рассматриваются как отдельные слова, результаты лексикализации, либо как дублиеты, варианты развернутых сочетаний с общим значением, результаты конденсации, прямой универбализации)» [7, с. 6].

Итак, большинство лингвистов едины во мнении относительно деривационного характера процесса аббревиации, в связи с чем любая аббревиатура является результатом лексикализации, т.е. отдельным самостоятельным словом. И лишь Е. А. Селиванова допускает (на основании гипотезы В. И. Теркулова относительно исследуемой проблемы) иные отношения между исходным словосочетанием и аббревиатурой.

Тождественность семантики словосочетания и соответствующей ему аббревиатуры дает и нам право предположить, что между словосочетанием и аббревиатурой реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *Бюро технической инвентаризации* и *БТИ*, *Завод имени Лихачева* и *ЗиЛ*, *Горловский государственный педагогический институт иностранных языков – ГПШИИЯ* и т. п. Разумеется, данное предположение не относится к случаям нарушения тождества значения словосочетания и аббревиатуры, что свидетельствует как раз о семантическом деривационном процессе: *регистрация актов гражданского состояния* (процесс) – *РАГС* (учреждение).

В связи с этим естественно желание дать единый терминологический эквивалент приведенным словообразовательным процессам и тем единицам, которые в результате этих процессов возникли. В. И. Теркулов, например, рассматривает такие дериваты как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [8, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу аббревиации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа «словосочетание + аббревиатура», входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. В данном случае, по мнению В. И. Теркулова, словесный дублет (аббревиатура) номинатемы с коллокативной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания.

Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (гlossах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово-аббревиатура, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами отчасти разговорности, сленговости, отчасти – документальности, официальности, например *синдром*

приобретенного иммунного дефицита и СПИД, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Бенилюкс, Соединенные Штаты Америки и США, Федеративная Республика Германии и ФРГ, торговый представитель и торгпред, интернациональная полиция и интерпол.

Предложенная В. И. Теркуловым концепция «не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [8, с. 135].

Таким образом, под аббревиатурой нами понимается семантически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами документальности и официоза, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы. В связи с этим мы рассматриваем отношения между аббревиатурой и соответствующим ей словосочетанием как равноправные реляционные при условии стабильности семантического тождества. В целом структура номинатемы исследуемого типа может быть представлена следующим образом:

<i>номинатема</i>	<i>словосочетание</i>
<i>(с доминантой-словосочетанием)</i>	<i>аббревиатура.</i>
Например:	<i>военный врач</i>
<i>номинатема</i> <i>(военный врач)</i>	<i>военврач;</i> <i>Камский автомобильный завод</i>
<i>номинатема</i> <i>(Камский автомобильный завод)</i>	<i>КамаЗ.</i>

Кроме того, вербальные реализации исследуемых номинатем – аббревиатуры – имеют достаточно большой потенциал для собственного развития: функционально переходя из плоскости речи в плоскость языка, они способны вступать в различного рода парадигматические отношения (входить в состав соответствующих словообразовательных гнезд, становиться базой для потенциальных и реальных дериватов и т. д.). Являясь по своей сути синкретичным, данный аспект изучения аббревиатур представляется перспективным для дальнейшего более детального исследования и может реализоваться в следующих примерах.

Существует несколько классификаций аббревиатур, базирующихся на различных принципах. Одна из таких классификаций касается лексикализованных аббревиатур и основана на словообразовательном принципе производности. Согласно данному принципу лексикализованные аббревиатуры делятся на следующие группы.

1. Производные аббревиатуры. Таковыми являются все лексикализованные аббревиатуры, поскольку они получены в результате семантического словообразования от омонимичных форм исходных номинатем (*ЮМЗ, Россельмаш* и пр.).

2. Производящие аббревиатуры, которые в словообразовательном плане могут являться словообразовательной базой для соответствующих им дериватов (*НКВД – НКВДшный, НВП – НВПшный* и т. п.).

Представляют интерес словообразовательные пары типа *НВП – НВПшник*, *ДПС – ДПСник* и т. д. Традиционно считается, что данные слова образованы посредством суфф. *-ник-* со значением лица от соответствующих аббревиатур.

Мы понимаем словообразование как процесс в рамках системы, то есть не как статичное состояние языка. Это предполагает, по нашему мнению, присоединение только одного словообразовательного форманта (часто соответствующего словообразовательному средству) к производящей основе. В связи с этим считаем, что структура таких словообразовательных пар некорректна: потеряно промежуточное звено – прилагательное (*НКВД – НКВДшный – НКВДшник*). Хотя и данный тип требует внесения существенных поправок.

Нам представляется, что каждое из данных слов (*НВПшник*, *НКВДшник*, *ДПСник* и т. п.) является универбатом, имеющим соответствующий эквивалент-словосочетание, определяющий элемент которого (имя прилагательное) образован от соответствующей аббревиатуры посредством суффикса прилагательного *-н-* со значением отношения к чему-либо, а имитация словообразовательного акта производится благодаря суффиксу *-ик-*: *сотрудник НКВД – НКВДшный сотрудник – НКВДшник*.

Данная модель является синкретичной, поскольку представляет собой процесс перехода от формообразования к словообразованию и снова к формообразованию. Схематично этот процесс выглядит следующим образом.

1. *Народный комиссариат*
внутренних дел

номинатема
(*Народный комиссариат*
внутренних дел)

НКВД.

2. *НКВД – НКВДшный* (относящийся к *НКВД*); данная модель является распространенной морфонологической моделью с интерфиксацией.

3. *НКВДшный сотрудник*

номинатема
(*НКВДшный сотрудник*)
НКВДшник.

И еще:

1. *Дорожная патрульная служба*

номинатема
(*Дорожная патрульная служба*)
ДПС.

2. *ДПС – дэпээс* (буквенная интерпретация аббревиатуры) – *дэпээсный* (относящийся к дорожной патрульной службе); данная модель является распространенной моделью без интерфиксации.

3. *дэпээсный сотрудник*

номинатема
(*дэпээсный сотрудник*)
дэпээсник.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) тождественность семантики словосочетания и соответствующей ему аббревиатуры дает нам право предположить, что между словосочетанием и аббревиатурой реализуются отношения отнюдь не словообразовательные; 2) каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа «словосочетание + аббревиатура», входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием; 3) словесный дублет (аббревиатура) номинатемы с коллокатив-

ной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания; 4) мы рассматриваем отношения между аббревиатурой и соответствующим ей словосочетанием как равноправные реляционные при условии стабильности семантического тождества; 5) речевые и текстовые представители номинатемы – словосочетание и универб одной номинатемы – по отношению друг к другу и соответствующей номинатеме являются вариантами; 6) аббревиатуры по природе своего возникновения и функционирования являются образованиями, подобными универбам; 7) каждое из исследуемых образований (*НВПшник, НКВДшник, ДПСник* и т. п.) является универбатом, имеющим соответствующий эквивалент-словосочетание, определяющий элемент которого (имя прилагательное) образован от соответствующей аббревиатуры посредством суффикса прилагательного *-н-* со значением отношения к чему-либо, а имитация словообразовательного акта производится благодаря суффиксу *-ик-*; 8) предложенная модель является синкретичной, поскольку представляет собой процесс перехода от формообразования к словообразованию и снова к формообразованию.

Библиографические ссылки

1. Булаховський Л. А. Основи мовознавства / Л. А. Булаховський // Соціальна природа мови. 2-а лекція : Заоч. пед. вуз. – Харків, 1928–1929.
2. Ганич Д. І. Словник лінгвістичних термінів / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К. : Вища шк., 1985. – 360 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
4. Мацько О. М. Аббревіатури як згорнені мовні формули в дипломатичних текстах / О. М. Мацько // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 31–36.
5. Ожегов С. И. Русский язык и советское общество. Проспект / С. И. Ожегов. – Алма-Ата, 1962.
6. Русский язык и советское общество / под. ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 187 с.
7. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
8. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луган. нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.

Надійшла до редколегії 20.04.11

УДК 811.161.2'366.5–112

Ю. В. Козіна

РВНЗ «Кримський гуманітарний університет» (м. Ялта)

КАТЕГОРІЯ ІСТОТИ ЯК ІСТОРИЧНА ІННОВАЦІЯ У ГРАМАТИЧНІЙ СИСТЕМІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Проналізовано граматичні форми акузатива іменників на позначення тварин у формі множини на матеріалі українських пам'яток XI–XIII ст.; описано процес оформлення категорії істоти у згаданих субстантивах.

Ключові слова: категорія істоти / неістоти, граматична форма, стара / нова форма акузатива, назви тварин.